

Вечером Се Юйчао заглянул к Гу Тинъяню и сообщил, что сбором актеров на роль «таперов» занимаются с трудом, так что начало съемок, возможно, снова отложат.

Разве Гу Тинъянь не знал, какие хитрости на уме у Се Юйчао?

— Чего ты добиваешься? — прямо спросил он.

Се Юйчао тут же заискивающе улыбнулся:

— Тинъянь-гэ, я прекрасно понимаю, что живу за счет молодости. Раз с этой работой пока ничего не ясно, я переживаю, что завтра мне буквально нечего будет есть... Можно я возьмусь за какую-нибудь другую подработку?

Сидящий неподалеку Чу Инь, который точно так же переживал насчет своего пропитания, насторожил уши.

Гу Тинъянь немного подумал:

— Главное, чтобы это не мешало съемочному процессу.

Се Юйчао радостно закивал, а затем повернулся к Чу Иню:

— Чу-гэ, со мной?

Гу Тинъянь нахмурился, не в силах разобрать, что творится у него на душе. Он лишь машинально открыл рот, собираясь чему-то воспрепятствовать, но в конце концов не произнес ни слова.

Запретить Чу Иню брать сторонние заказы? У него, пожалуй, не было для этого веских причин — в конце концов, не существовало работы более сомнительной, чем быть каскадером-дублером.

Гу Тинъянь впервые почувствовал легкое раздражение из-за собственных решений.

Хотя этот благотворительный вечер и назывался благотворительным, на деле он больше походил на деловой прием для завязывания нужных знакомств. Обычно люди приходили туда с расчетом обзавестись связями и найти партнеров для сотрудничества.

Он предъявлял высокие требования лишь к нижнему белью, поэтому обычно одевался рядом с Гу Тинъянем очень просто и по-домашнему. Однако это вовсе не значило, что он горит желанием облачиться в платье, взятое стилистом напрокат у кого-то другого.

Гу Тинъянь и впрямь не хотел...

Самые дорогие наряды в его доме относились к категории брендов ручной работы королевской семьи страны Z. Если покупать их, то счет шел бы от миллиона и выше. Каким бы богачом ни был Гу Тинъянь, он наверняка не стал бы тратить такие деньги на какого-то артиста из своего подчинения!

Впрочем, в сложной прическе они не нуждались, главным было подобрать образ для Чу Иню.

Сяо Чжу на самом деле тоже хотел подобрать для Чу Иня наряд самого высокого класса — у него было предчувствие, что Чу Иню невероятно пойдут дорогие и изысканные вещи, поэтому он усовестил его самыми убедительными доводами: «Как артисту, тебе обязательно нужно уделять внимание своему внешнему виду. Не слушай тех, кто твердит о какой-то там скромности. Раз у тебя есть данные выглядеть ярко, сделай так, чтобы тебя увидели абсолютно все, покажи свои сильные стороны во всей красе...»

В результате же Се Юйчао спросил Чу Иня, не хочет ли тот вместе с ним поужинать.

Сяо Чжу моргнул и перевел взгляд на Гу Тинъяня.

— Почему ты меня позвал, Се Юйчао? — когда раздался звонок от Гу Тинъяня, Чу Инь как раз занимался аранжировкой.

Чу Инь с досадой прервал его:

— То, что ты говоришь, звучит очень разумно, но я не хочу носить чужие вещи.

Чу Инь нахмурился:

— Я не ношу вещи напрокат.

Гу Тинъянь подберет ему прическу и дополнит ее подходящим костюмом.

— О боже! Босс Гу! Это ваш новенький? Да вы идете на взлет! — стилист Сяо Чжу, заметив Чу Иня, с разбегу бросился к нему и заключил в медвежьи объятия, такие горячие, будто страдал тяжелой формой гипербобщительности.

Они обсудили, что именно будут есть в ближайшее время, и вместе вышли из палаты. Когда они удалились, Гу Тинъянь перевернулся на другой бок, взял телефон и принялся внимательно изучать ресурсы, имеющиеся в его распоряжении на данный момент.

Чу Инь лишь немного подумал и сразу же согласился — ему была необходима подобная вечеринка, ведь он вернулся на родину вовсе не для того, чтобы бить баклуши.

К тому же на такие приходы с пригласительным билетом обычно пускали только вдвоем. Брать с собой кучу народу — это что еще такое, старая курица, защищающая цыплят?

— Се Юйчао набрал кучу работы, он занят, — выданный Гу Тинъянем ответ звучал вполне благоразумно и логично.

Сам же Чу Инь был совершенно не в силах справиться с человеком подобного склада характера: после того как его заключили в объятия, он просто окостенел, превратившись в дерево.

Поразмыслив немного, Гу Тинъянь решил, что подчиненный, явившийся в слишком дешевой одежде, бросит тень и на его собственную репутацию:

— Подбери ему комплект самого высокого класса.

Сяо Чжу с улыбкой поинтересовался, какого уровня костюм требуется.

В день банкета Гу Тинъянь с самого утра вызвал стилиста — сказывалось его богатство и широта размаха, ведь в его собственной вилле имелась профессиональная гримерная.

Три дня спустя Гу Тинъянь вышел на работу, еще не до конца оправившись от болезни, и собрался на благотворительный вечер, не забыв прихватить с собой Чу Иня.

Чу Инь вздохнул:

— Можно я надену свою одежду?

Только тогда Гу Тинъянь вспомнил, что в тот вечер, когда Чу Инь только приехал, он действительно притащил с собой целую гору вещей.

Но тогда было темно, его внимание привлекло пианино, и он лишь бегло окинул взглядом те вещи, в общих чертах заметив среди них известные бренды.

Позже Чу Инь обмолвился, будто использовал их для создания имиджа, приобретя дешевые подделки. Питая в тот момент к Чу Иню глубокую предвзятость, Гу Тинъянь не стал ничего перепроверять.

Теперь же, услышав упоминание об этом от самого Чу Иня, Гу Тинъянь почувствовал

неладное... Раз уж пианино доставили самолетом, стали бы переправлять по воздуху подделки?

— Попроси Сяо Чжу выбрать тебе что-нибудь... — хотя он и произнес эти слова, но когда Сяо Чжу с энтузиазмом бросился распаковать гардероб Чу Иня, Гу Тинъянь последовал за ним.

Стоило Сяо Чжу полистать вещи в шкафу Чу Иня, как он мгновенно превратился в визжащую фанатку:

— О боже мой, Чу Инь... то есть, божественный Чу! Откуда у тебя столько коллекционных вещей?! Два, четыре, шесть, восемь — у тебя целых восемь лимитированных комплектов от марки П.!

Гу Тинъянь ничего не смыслил в мире моды и не разбирался в парадных костюмах. В конце концов, между большими деньгами и высокой модой все еще лежала пропасть, да и сам он обычно не занимался покупкой одежды — доверяя проверенным аристократическим брендам, чьи новинки сезона ему привозили напрямую.

Поэтому, будучи полным дилетантом, Гу Тинъянь, глядя на те вешалки и слушая истошные вопли Сяо Чжу, невольно нахмурился:

— Они все настоящие?

— Конечно настоящие! Марка П. — это аристократический бренд, который уделяет авторским правам больше всего внимания. Они затаскают по судам любого, кто посмеет их подделать, причем чем точнее копия, тем жестче они преследуют поддельщиков.

После таких слов Сяо Чжу Гу Тинъянь сразу всё понял: подобные вещи никак не могли оказаться дешевой подделкой.

Гу Тинъянь перевел взгляд на Чу Иня. Тот слегка отвел глаза:

— Это все мои сбережения.

Вообще-то это была неправда: соседний шкаф, содержимое которого даже Сяо Чжу не смог с ходу оценить по достоинству, хранил в себе куда более дорогие вещи... Изначально он вовсе не собирался их брать, но старший брат пригрозил, что если он не возьмет их, то ему приставят помощника.

При одном упоминании помощника перед его глазами встал любящий строчить доносы Чжу Сяньмин, и во рту у него словно побывала муха.

Гу Тинъянь холодно усмехнулся и вышел прочь.

Он чувствовал себя обманутым...

Пусть изначально он и не планировал всерьез заниматься раскруткой Чу Иня, сейчас-то он уже старался искупить свою вину, но обнаружил, что сам Чу Инь вовсе не собирался открывать ему душу... В нем таились секреты, и от самого Гу Тиньяня он тоже держал оборону.

Это осознание заставило Гу Тиньяня почувствовать тяжесть в груди.

Сяо Чжу же было совершенно всё равно, из-за чего босс Гу снова сходит с ума. Для стилиста созерцание такого гардероба было сродни попаданию на небеса, и в его голове уже выстраивались образы: какой макияж и прическа подойдут к каждому костюму.

провозившись с макияжем все утро, Сяо Чжу в конце концов с сожалением опустил руки:

— Господину Чу совершенно не требуется грим.

Он крайне редко встречал людей с настолько безупречной природной красотой. Лицо Чу Иня не нуждалось даже в контуринге: густые ресницы создавали эффект подведенных глаз, губы обладали здоровым цветом без единой складки, а кожа излучала естественное сияние. Если бы не увидел это собственными глазами, Сяо Чжу, пожалуй, решил бы, что подобная божественная внешность способна существовать лишь в человеческом воображении.

— Господин Чу, вы непременно станете звездой.

Чу Инь моргнул, оставив его слова без определенного ответа.

Если бы он должен был стать популярным, то прославился бы еще семь лет назад. Какая польза от красивого лица, если тебе нельзя появляться на публике — люди забудут тебя в мгновение ока.

Хорошее, плохое — всё будет предано забвению...

В полдень Сяо Чжу наконец поборол муки выбора и остановил свой выбор на черном смокинге с едва заметным тиснением. Мужские костюмы на первый взгляд казались одинаковыми и не имели такого разнообразия фасонов, как женские платья, но на деле это было не так, и смокинг Чу Иня отличался массой продуманных деталей.

Когда Чу Инь спустился вниз, Гу Тиньянь тоже успел переодеться. Хотя он был всего лишь агентом, и в подобной обстановке даже его собственный статус делал его желанным собеседником для налаживания связей, перетягивать одеяло на себя он не собирался. Главной задачей на сегодняшний вечер было прочно заявить о Чу Ине.

Он предполагал, что сегодняшний выход принесет Чу Иню ошеломляющий успех, но когда он воочию увидел спускающегося по лестнице юношу, на несколько секунд потерял дар речи:

— ...Глядя на тебя вот так, я понимаю, до чего же неряшливо ты выглядел раньше.

Слово «неряшливо» было лишь преувеличением. Он действительно не ожидал, что Чу Инь, стоило тому лишь немного навести лоск, окажется настолько красив — до нелепости, невероятно хорош собой.

— Скажи, а ты часом не нефотогеничный? — выражение лица Гу Тинъяня выглядело несколько странным.

В те времена, когда он увлекался айдол-группами, ему доводилось видеть Чу Иня. Тогда юноша считался душой коллектива, а его преданных фанатов было больше, чем у остальных четырех участников вместе взятых. Однако в те дни глаза Гу Тинъяня были затуманены лишь этой белой хрупкой хризантемой по имени Нин Цзюй, поэтому в Чу Ине он видел лишь излишнюю вычурность.

Тогдашние стандарты красоты и впрямь тяготели к вычурности, в макияже копировали корейский стиль: смоки-айз, тяжелые металлические элементы, проще говоря — корейская волна.

А позже увидеть Чу Иня удавалось лишь на старых, донельзя размытых видеозаписях. Оглядываясь на те кадры теперь, Гу Тинъянь находил его внешность совершенно заурядной — молчу уж о том, что до Нин Цзюй ему было далеко, он даже Цзи Чжаньюю проигрывал.

— Наверное... А отсутствие галстука и впрямь не станет проблемой? — Чу Инь понятия не имел, о чем ностальгирует Гу Тинъянь, его смущала лишь парадная рубашка, подобранная Сяо Чжу.

Подобный благотворительный вечер не требовал чересчур официального дресс-кода, поэтому Сяо Чжу выбрал для него серебристо-белую шелковую рубашку, перекликающуюся с узором на пиджаке.

Шелковая рубашка исключала ношение галстука, а Сяо Чжу вдобавок заставил его расстегнуть верхние две пуговицы, максимально обнажив ключицы и придав строгому образу нотку скрытой чувственности.

Чу Инь чувствовал себя не в своей тарелке — одно дело оголяться перед мужчиной тет-а-тет, и совсем другое — демонстрировать тело на публике, разница была огромной.

Придя в себя, Гу Тинъянь посмотрел на его ключицы, и его взгляд едва заметно дрогнул:

— ...Очень красиво, оставь так.

— Ну ладно. — Чу Инь действительно ничего не смыслил в подборе одежды. Раз уж профессионал и сторонний наблюдатель сошлись во мнениях, спорить он не стал.

Облачившись в такие наряды, они отправились обедать в элитный ресторан, где атмосферу дополняла живая скрипичная музыка.

Гу Тинъянь полагал, что в столь фешенебельном заведении папарацци точно не станут устраивать засады со скрытой съемкой. Кроме того, он был уверен, что Чу Инь пока еще не знаменит и не представляет интереса для охотников за сенсациями, а потому не проявлял ни малейшей осторожности.

Он и не подозревал, что они оба, высокие и длинноногие, одетые столь элегантно, мгновенно стали украшением улицы в глазах прохожих. Даже без папарацци случайные прохожие не могли удержаться от того, чтобы сделать пару кадров.

У Чу Иня, видимо, имелась какая-то врожденная склонность попадать в тренды, и даже такой случайный снимок позволил ему зацепиться за хвост горячих тем.

К тому моменту, как Гу Тинъянь с Чу Инем закончили трапезу, комментаторы под обсуждениями уже раскопали, что Гу Тинъянь числится внештатным агентом Юньдяня, а Чу Инь — тот самый красивый парень из недавней истории в аэропорту.

Секретарь Гу Тинъяня в панике позвонил ему, осведомившись, не следует ли удалить эти публикации.

Подумав немного, Гу Тинъянь счел это излишним... Как верно заметили в комментариях, раз уж его личность как агента была раскрыта, люди легко догадаются, что Чу Инь, скорее всего, артист под его началом.

В разделе комментариев даже поползли конспирологические теории о том, что это новый пиар-ход Гу Тинъяня по раскрутке новичка.

Так это было или нет, но Гу Тинъянь действительно собирался заняться Чу Инем всерьез, а раз так — грех было отказываться от свалившихся с неба просмотров.

Тем временем в студии Синьи.

Джеффри протянул Цзи Чжаньюю пригласительный билет, а затем просмотрел расписание артиста:

— На сегодняшний вечер планов нет. Если хочешь отдохнуть, можно вообще не ехать на этот вечер.

Цзи Чжаньюй только-только разгреб последствия хаоса в Юньдянь Развлечения, заслужив трехдневные каникулы, которые начинались как раз с сегодняшнего вечера. Ему и вправду не было никакой нужды появляться на благотворительном вечере, но при его статусе организаторы любого сколько-нибудь крупного мероприятия в этой сфере неизменно присылали ему приглашения.

— Тогда не поедем, — под глазом у Цзи Чжаньюя залегла темная тень. Откинувшись на спинку кресла, он прижался пальцами к вискам.

Заметив, как сильно тот измотан, Джеффри с усмешкой покачал головой:

— Ну и забудь. С таким видом, если ты сейчас же не отдохнешь, боюсь, просто отбросишь коньки.

Цзи Чжаньюй ничего не ответил — казалось, он уже погрузился в поверхностный сон.

<http://bllate.org/book/19757/1945660>